

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ НА ГЛИНЯНОЙ БУЛЛЕ КАРМИР-БЛУРА

Н. В. АРУТЮНЯН

Работа над клинописными табличками, обнаруженными за последние годы при раскопках на Кармир-блуре, повелительно требует вновь коснуться не только ранее известных урартских табличек, но и опубликованного уже археологического и эпиграфического материала вообще. Это, прежде всего, объясняется тем, что данная работа открывает возможно широкие перспективы для изучения вопросов, относящихся к последнему, кстати далеко недостаточно изученному, периоду истории Урарту. В этой связи возникает неотложная необходимость не только выдвинуть новые вопросы, но и пересмотреть некоторые другие, ставленные в свое время специалистами урартской эпиграфики.

Воздерживаясь пока от рассмотрения ряда других, притом также весьма важных, фактов, считаем необходимым в настоящей статье остановиться лишь на одном вопросе, который, как мы надеемся, представляет значительный интерес для истории государства Урарту в целом и для периода падения его в частности.

Интересующий нас вопрос становится во весь рост перед урартоведческой наукой при тщательном и кропотливом изучении надписи, имеющейся на оттиске цилиндрической печати на глиняной булле, обнаруженной при раскопках 1951 г. на Кармир-блуре, в одной из небольших кладовых для зерна (№ 5), расположенных в западной части центра цитадели. Булла лежала на полу указанной кладовой, среди перегоревшего ячменя, и была предназначена для ее запечатывания. Она, по своему внешнему виду, совпадает с буллой, найденной в 1949 г. в кладовой № 25¹.

Глиняная булла, с интересующей нас надписью, была опубликована проф. Б. Б. Пиотровским еще в 1954—1955 гг.² Однако, ввиду неполной расшифровки надписи, выведенной на булле путем откатки цилиндрической печати, эта публикация не только не содействовала выяснению подлинного содержания надписи, имеющей столь важное значение для нашей науки, но и оставляла лазейку для разных, подчас противоречивых, толкований. Именно это обстоятельство поставило перед нами неотложную задачу о переиздании указанной надписи.

Напомним, что булла опечатывала две веревки, связывавшие запор, печатями двух лиц, одно из которых имело столбчатую печать обычного урартского типа (четыре оттиска по сторонам буллы), а другое—цилиндрическую печать ассирийского типа (откатка по гребню буллы). На откатке цилиндрической печати центральное место занимает священное дерево характерного типа с поднятыми вверх ветвями, на которых обозначены стилизованные плоды. По сторонам дерева помещены крылатые фантастические существа с туловищами быков и человеческим торсом. Позади них находится второе священное дерево, уже ассирийского типа. Дерево, занимающее центральное место, имеет ближайшие аналогии на трех бронзовых поясах из Кармир-блур, на золотых предметах из Саккызского клада и на ... равнескифских изделиях³.

¹ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, стр. 23 и стр. 53, рис. 24.

² См. Б. Б. Пиотровский, Урартские надписи из раскопок Кармир-блур 1952 г., „Эпиграфика Востока“ (далее ЭВ), IX, 1954, стр. 76—77 и рис. 5; он же, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 14, рис. 7 и стр. 58—59. См. также его новую работу „Ванское царство (Урарту)“, Москва, 1959, стр. 159. Булла хранится в Историческом музее Академии наук Армянской ССР. См. инв. 2010/74, КБ-52.

³ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 58-59.

На верхнем и нижнем поясах оттиска цилиндрической печати помещены две строки клинописи, причем текст нижней строки передан в обычной форме — слева направо, в то время как знаки верхней строки — в зеркальном изображении, т. е. справа налево.

Проф. Б. Б. Пиотровский читает эту надпись следующим образом:

(1) i-ni KISIB I[.....] (2) É [.....] Ru-sa-bi

„Эта печать... дома... сына Русы“.

Следовательно, согласно предложенной проф. Б. Б. Пиотровским расшифровке, в тексте имеется лишь отчество царя — „сын Руса“ (букв. „Русаевич“). И поскольку в урартской эпиграфике известны лишь два царя с отчеством Руса (т. е. Аргишти II, сын Руса I¹ и Сардури III, сын Руса II²), не трудно догадаться, что специалисты, в том числе и сам проф. Б. Б. Пиотровский, на основании вышеупомянутого чтения текста были вынуждены заключить, что в данном случае они имеют дело, по-видимому, или с Аргишти II, или же с Сардури III. Поэтому проф. Б. Б. Пиотровский пишет, что ... на откатке не сохранилось ни имя владельца печати, ни имя царя. Так как кладовая запечатывалась буллой незадолго до осады, то вероятнее всего в имени царя видеть имя Сардури, сына Русы (ок. 645—625 гг. до н. э.), современника ассирийского царя Ашшурбанипала³. Другого мнения придерживается проф. Г. А. Меликишвили, который в своем сборнике урартских клинообразных надписей этот текст, весьма условно, отнес к числу письменных памятников Аргишти II⁴.

Отметим заранее, что предложенные интерпретации основаны на далеко не полном чтении дошедшего до нас текста, следовательно в определенной мере условны также восстановленные в нем имена урартских царей Сардури III или Аргишти II. К тому же наши возражения против подобной интерпретации надписи основаны не на предположительном восстановлении, а, как увидим ниже, на посильно полном чтении текста этого письменного документа.

Итак, первая строка текста надписи, как это довольно ясно видно на оригинале, начинается с почти полного изображения знака sa; здесь недостает лишь нижнего горизонтального клина в начале знака. Затем в тексте налицо знаки i и ni. При этом, если иметь в виду, что данная строка надписи, как мы увидим ниже, завершается вертикальным и горизонтальным клином, первый из которых, по праву, мы склонны рассматривать как детерминатив лица, а второй — начало знака gi, то нетрудно догадаться, что в данном случае, в общей совокупности, мы имеем дело с каким-то урартским царем по имени Руса, т. е. Ru[sa]-i-ni. Поэтому знаки -i-ni в начале (и в конце) первой строки, как это видно, следует рассматривать не в качестве указательного местоимения ип „это“, как думает проф. Б. Б. Пиотровский, а скорее всего в качестве окончания имени царя Руса. Наше мнение полностью подтверждается и тем, что это имя, как увидим ниже, с подобным же написанием повторяется в середине текста разбираемой строки. После уже отмеченных знаков, в первой строке надписи

¹ См. Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, Москва, 1950 (далее УКН), стр. 335—340 (№№ 275—277).

² См. Ы. Ч. Зиринджян, *Գործըր-ընդր Կարմիր-Բլուրի և Բաղրամի ժամանակ*, „Историко-филологический журнал“ Академии наук АрмССР, 1958, № 3, стр. 201-213; Н. В. Арутюнян, Новая клинописная табличка из раскопок Кармир-блур, „Festschrift Johannes Friedrich“, Heidelberg, 1959, стр. 35—51. К числу надписей Сардури III относятся и некоторые другие, пока что не опубликованные, клинописные таблички, обнаруженные за последние годы на Кармир-блуре, а также, как нам удалось выяснить, табличка, расшифрованная И. М. Дьяконовым: см. у Б. Б. Пиотровского, Кармир-блур, II, стр. 75-76. Ср. Г. А. Меликишвили, УКН, 333.

³ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, стр. 59; он же, ЭВ, IX, стр. 77. С этим мнением согласен также В. В. Шлеев. См. ВДИ, 1958, № 1, стр. 59, прим. 44.

⁴ См. Г. А. Меликишвили, УКН, 277а (ср. ВДИ, 1953, № 4, стр. 228).

налицо один короткий горизонтальный¹, а затем один длинный горизонтальный и над ним четыре вертикальных клина. Комбинацию этих клиньев мы воспринимаем как идеограмму KİŠIB „печать“. Однако следует обратить внимание на тот факт, что в отличие от обычного для идеограммы KİŠIB знака (𐎶𐎵𐎶)², в нашем тексте был на-

лицо схожий знак 𐎶𐎵𐎶𐎵³, т. е. здесь, как это видно, имеется два лишних клина (один горизонтальный и один вертикальный)⁴. Отсутствует детерминатив NA₁.

В продолжении текста надписи имеется детерминатив лица и, затем, ги⁵, конец знака са и знаки и, пи. Следовательно, сразу видно, что и в данном случае мы имеем дело с урартским царем по имени Руса, т. е. ¹Ru-[s]a-i-pi. После упомянутого имени, в этой строке, имеется уже известная нам идеограмма KİŠIB⁶ „печать“, а затем один вертикальный и один горизонтальный клин, первый из которых, как было сказано, мы рассматриваем как детерминатив лица, а второй — как начало знака ги. Таким образом, данная строка завершается началом имени Руса, продолжение которого мы уже видели в начале строки.

Итак, из приведенного выше материала, как нам кажется, становится вполне очевидным, что в верхней строке цилиндрической печати был налицо текст ¹Ru-sa-i-pi⁷ KİŠIB, который на оттиске (а также на оригинале!) печати почти полностью повторяется дважды.

Переходим к расшифровке и интерпретации второй строки надписи.

Начало клинописного текста этой строки не сохранилось (здесь заметны остатки какого-то знака, быть может знака пи). Однако, как мы увидим несколько ниже, имеется почти полное основание для его восстановления. После упомянутого повреждения, в этой строке вполне разборчиво читается собственное имя ¹Ru-sa⁸-bi и идеограмма Ё „дом“. Затем, к сожалению, имеется частичное повреждение, где, судя по сохранившимся остаткам пострадавших знаков, а также на основании наличия идеограммы Ё и подобной комбинации в урартской эпиграфике⁹, нам кажется не исключена здесь возможность восстановления [G]AL?-[pi?]. Идеограмму GAL(?) „большой“ мы рассматриваем, разумеется, как продолжение предыдущей идеограммы Ё „дом“, а комбинация идеограмм Ё.GAL, как известно, в урартской клинописи означает „крепость“ или „дворец“ (букв. „дом большой“). Следовательно, если наше чтение идеограммы GAL может быть правдоподобным, то здесь, несомненно, подразумевается не что иное, как город-крепость Тейшебани (Кармир-блур), откуда, как известно, и происходит публикуемая глиняная булла с оттиском на ней цилиндрической печати с клинообразной надписью. Что касается знака -pi, восстановленного нами после комбинации Ё.GAL, то в нем мы склонны видеть падежное окончание, т. е. показав-

¹ Здесь повреждены два горизонтальных клина. См. тот же знак в конце строки.

² См. хотя бы *Friedrich Delitzsch*, *Assyrische Lesestücke*, Leipzig, 1912, знак № 173.

³ Ср. знак № 146 у *F. Thureau-Dangin*, *Le syllabaire accadien*, Paris, 1926.

⁴ Такое явление, т. е. наличие лишних клиньев в знаках, почти не встречается в урартских лапидарных надписях, тогда как в глиняных клинописных табличках оно прослеживается сплошь и рядом. Ср. ниже—прим. 6.

⁵ Здесь поврежден лишь последний вертикальный клин и то, как будто, следы его заметны на оригинале.

⁶ Любопытно отметить, что идеограмма KİŠIB, в отличие от предыдущего ее написания, здесь изображена лишь тремя вертикальными клиньями. Это обстоятельство, а также некоторые другие графические особенности, заставляет нас думать, что текст повторялся дважды не только на оттиске цилиндрической печати (как это наглядно видно), но и, по всей вероятности, также на самой печати.

⁷ Такое написание имени Руса см. в следующих урартских надписях: *Г. А. Меликишвили*, УКН, 270—274; 274 а—с; 281, стк. 16.

⁸ Здесь отсутствует конечный нижний горизонтальный клин.

⁹ См. *Г. А. Меликишвили*, УКН, 311, стк. 1.

тель отложительного падежа. Таким образом, $\dot{E} \cdot [G]AL?-[ni?]$, естественно, может означать „из(?) крепости“, т. е. из крепости Тейшебаини (Кармир-блур).

Обращаясь теперь к интерпретации собственного имени ${}^1Rusa-bi$ второй строки надписи, следует отметить, что оно, как это на первый взгляд ни странно, выступает в отрыве от царского имени ${}^1Rusa-ni$, упоминаемого в первой строке той же надписи. В этой связи невольно привлекает наше внимание то обстоятельство, что в окончаниях племенных и топонимических названий суффиксы $-bi$ и $-(i)ni$, которые в данном случае фигурируют в окончаниях 1Rusabi и 1Rusaini , выполняют роль принадлежности¹. Поэтому создается впечатление о том, не являются ли окончания $-bi$ и $-ni$ рассматриваемых имен суффиксами принадлежности? При таком подходе к загромутому нами вопросу выходит, что 1Rusaini $KI\dot{S}IB$ первой строки надписи следует воспринять как „печать, принадлежащая Руса“ (букв. Русаевская печать*), а 1Rusabi $\dot{E} \cdot [G]AL?-[ni?]$ второй строки — „из(?) крепости(?), принадлежащей Руса“ (букв. „из(?) Русаевской крепости?“). Следовательно, подобная интерпретация указанных имен ведет к тому, что в обоих случаях мы, как будто, должны были иметь дело лишь только с именем урартского царя, т. е. с именем какого-то Руса, без указания на его отчество.

Однако некоторые характерные закономерности урартской письменности решительно отклоняют нас от приведенного выше размышления. Это, прежде всего, обусловлено тем, что если в окончаниях племенных и топонимических названий $-bi$, как правило, выступает в роли суффикса принадлежности, то в окончаниях собственных имен, в том числе в окончаниях царских имен, этот же суффикс, без единого исключения, образует патронимику, т. е. является показателем отчества той или другой личности (царя). Следовательно, из сказанного выше, несомненно, вытекает, что собственное имя второй строки нашей надписи 1Rusabi означает „сын Руса“ (букв. „Русавич“), а выражение ${}^1Ru-sa-bi$ $\dot{E} \cdot [G]AL?-[ni?]$ — „из(?) крепости(?) сына Руса“. Таким образом, 1Rusabi второй строки надписи является, несомненно, отчеством царя 1Rusaini , упоминаемого в первой строке этой же надписи.

При таком подходе к рассматриваемому вопросу единственной помехой остается то обстоятельство, что отчество 1Rusabi , как об этом шла речь выше, выступает в отрыве от царского имени 1Rusaini , т. е. отчество царя не только не выступает рядом с именем царя, но и они фигурируют в разных строках нашей надписи: 1Rusaini в первой строке, в то время как 1Rusabi — во второй. Однако это обстоятельство не должно вызывать нашего удивления, ибо подобные примеры, хотя и довольно редко, мы находим в урартской эпиграфике. С этой точки зрения представляют определенный интерес строки 1—6 одной совместной надписи Ишпуини, его сына Мену и внука Инушпуа, найденной на скале, у восточных ворот Ванской цитадели (Тебриз-капуси). Они гласят:

(1) $DHal-di-ni-ni$ $us-ma-a-si-ni$ (2) ${}^1Is-pu-u-i-ni-se$ $a-li-e$ (3) ${}^1DSar_5-du-ri-[e]-bi$ $-[ni-se$ $i-e-se]$ ³ (4) ${}^1Me-nu-u-a-se$ ${}^1Is-pu-[u-i-ni-e-bi-ni-se]$ (5) ${}^1I-nu-us-pu-a-se$ ${}^1Me-n[u-n-a-bi-ni--se]$ (6) $DHal-di-e-i$ $su-si-[i?e$ $si-i-di-is-tu-se]$ ⁴

¹ Ср. хотя бы $KUREtiu-ni$ и $KUREtiu-bi$, $KURUeliku-ni$ и $KURUeliku-bi$. См. УКН, 38, стк. 2; 127V, стк. 34; 130, стк. 6 и 155C, стк. 52, 155F, стк. 17 и 155F, стк. 20; 265, стк. 2.

² О суффиксах принадлежности $-bi(ni)$ и $-(i)ni$ подробнее см. *Johannes Friedrich*, *Beltrage zu Grammatik und Lexikon des Chaldischen*, 2 Teil, „Caucasica“, 8, Leipzig, 1931, стр. 126—131; он же, *Einführung ins Urartaische*, Leipzig, 1933, стр. 9—10. Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 51—52.

³ Следы почти всех восстановленных знаков этой строки заметны в копии надписи у Леманн-Гаупта. См. *C. F. Lehmann-Haupt*, *Corpus Inscriptionum Chaldaicarum* (далее *CICh*), Berlin und Leipzig, 1928, табл. 11, рис. 11.

⁴ См. *CICh*, 11, стк. 1—6; Г. А. Меликишвили, УКН, 18, стк. 1—6 и прим. 1

„Халдовым могуществом Ишпуини говорит: я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини (и) Инушлуа, сын Менуа построили susi' бога Халди“.

Как видно из приведенного примера, имя царя Ишпуини стоит в отрыве от его отчества Сардури, т. е. они не только выступают в разных строках надписи (см. стк. 2 и 3), но и между ними имеется еще слово ale „говорит“.

С подобным же явлением мы сталкиваемся и в надписи царя Менуа, обнаруженной на борту бронзового щита, происходившего из раскопок Кармир-блур. Вот что гласит первая строка этой надписи:

¹Ar-gi-iš-ti-ni-i u-ri-is-bu-si-ni-i ¹Me-nu-a-bi-ni-i i-ni a-se ¹Ar-gi-is-ti-ni ¹Me-nu-a-bi LUGAL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni LUGAL KURBi-i-a-na-ú-e a-lu-si URUTu-uš-pa URU²

„(Царя) Аргишти оружейной, сына Менуа, этот щит (принадлежит). Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Бна(и)нли, правитель Тушпа-города“.

В приведенной надписи: также, как это видно, имя царя Аргишти стоит в отрыве от его отчества Менуа, а именно: между ними проскользнуло слово ugišbušini „оружейный“ (= „арсенал“).

Приведенные примеры, как нам кажется, могут служить прекрасным доказательством того, что и в ¹Rusa-bi второй строки нашей надписи, несомненно, следует видеть отчество царя ¹Rusa-ini первой строки. Следовательно, ¹Rusa-ini ... ¹Rusa-bi интерпретируемой надписи мы вправе воспринять как „Руса ... сын Руса“.

В продолжении второй строки надписи снова повторяется отчество царя: „сын Руса“ ¹Ru-sa-bi, а затем сохранились два горизонтальных и два вертикальных клина, которые без особых затруднений можно рассматривать как начало идеограммы É „дом“, а следовательно начало комбинации É·[G]AL?-[ni?] „из крепости?“. Об этом свидетельствует также поврежденное место, имеющееся в начале данной строки. Таким образом, в разбираемой строке надписи, как это видно, мы имеем дело с текстом ¹Ru-sa-bi É·[G]AL?-[ni?] или же, быть может, наоборот: É·[G]AL?-[ni?] ¹Ru-sa-bi „из(?) крепости(?) сына Руса“, который повторяется здесь дважды.

Следовательно, автография всего текста клинописи на оттиске цилиндрической печати глиняной буллы, согласно нашему чтению, выглядит так³:

В соответствии с текстом клинописи на оттиске печати и на основании всего вышесказанного приводим транскрипцию и перевод надписи.

- (1) -sa-i-ni ¹KI'SIB ¹Ru-[s]a-i-ni KISIB ¹R[u]-
- (2) ·[GAL?-[ni?]] ¹Ru-sa-bi É·[G]AL?-[ni?] ¹Ru-sa-bi É·
- (1) „(Царя) Руса печать“⁴
- (2) „Из (?) крепости (?) сына Руса“

¹ К интерпретации слова susi см. 2. Գրադարան, «Երևան-ի մեծագույն գրադարան», „Известия“ АН АрмССР (общественные науки), 1958, № 9, стр. 105—106.

² См. Б. Б. Пиотровский, Три урартские надписи на бронзовых предметах из Тейшебаини (Кармир-блур), ЭВ, III, 1949, стр. 88—89. Г. А. Меликишвили, УКН, 144.

³ Верхняя строка клинописи, как уже было сказано, на оттиске печати передана в зеркальном изображении, однако мы считаем целесообразным привести ее здесь в прямом изображении.

⁴ Или „Печать (царя) Руса“ (букв. „Русаевская печать“).

Таким образом, текст нашей надписи рассказывает о том, что печать, которой запечатывалась глиняная булла, принадлежит урартскому царю Руса, сыну Руса и происходит из его крепости, т. е. из Тейшебани.

Это наше мнение полностью подтверждается надписью на оттиске цилиндрической печати глиняной таблички, обнаруженной в 1955 г. при раскопках Кармир-блур (УКН, стр. 457, № 63). В верхнем краю оттиска мы читаем следующий текст: ...]-sa-a-i¹ !Ru-sa-bi !Ru-sa-a-i !R[u²..., который означает (печать царя) „Руса, сына Руса“. Следы клинописных изображений от аналогичной надписи сохранились также на нижнем краю оттиска.

В связи со сказанным возникает вполне законный вопрос, а именно: с каким урартским царем мы имеем дело в данном случае. Наши надписи, как видно, вполне определенно свидетельствуют, что здесь налицо какой-то урартский царь по имени Руса, который являлся сыном другого одноименного царя. При этом из урартских царей по имени Руса известны: Руса I, сын Сардури II; Руса II, сын Аргишти II и Руса III, сын Эримена. Известно также, что сыном Руса I является Аргишти II, а Руса II — Сардури III. Что касается Руса III, то урартоведческая наука, за неимением в ее распоряжении материала, до сего времени не могла так или иначе ответить на вопрос: был ли он последним царем Урарту или же в последние годы существования этого государства царствовал уже какой-нибудь другой правитель — преемник Руса III? Издаваемые надписи, очевидно, являются прекрасным доказательством того, что Руса III не мог быть последним царем Урарту и ему пришел на смену, по всей видимости, другой царь, а именно его сын Руса IV (?). И если до сих пор были нам известны имена сыновей или преемников лишь двух урартских царей по имени Руса, т. е. Руса I и Руса II, то публикуемые надписи призваны уяснить нам, что в лице царя Руса, сына Руса, имел своего преемника также Руса III. С другой стороны, обстоятельства находки интересующей нас глиняной буллы, как на это обратил внимание проф. Б. Б. Пиотровский, свидетельствуют, что кладовая запечатывалась ею незадолго до осады крепости. Следовательно, этот факт также лишним раз подтверждает, что в лице !Rusai... !Rusabi и !Rusai !Rusabi наших надписей, имеющихся на оттисках двух разных цилиндрических печатей, мы имеем дело вне всякого сомнения, с новым урартским царем по имени Руса, т. е. очевидно с Руса IV (?), сыном давно известного Руса III.

О дате правления Руса IV (?) в настоящее время мы лишены возможности сказать что-нибудь определенное. К тому же до сих пор остается неясной также дата правления его отца (?) — царя Руса III. Проф. Б. Б. Пиотровский, например, считает, что он является последним урартским царем, от которого дошли до нас клинообразные надписи, и думает, что он правил в 605—585 гг. до н. э.³ Еще более осторожно подходит к этому вопросу проф. Г. А. Меликишвили, у которого читаем: «О конце царствования Руса III неизвестно ничего определенного: был ли он последним царем Урарту, современником периода ликвидации независимости Урарту (609—585 гг. до н. э.), или в это время царствовал уже его преемник — трудно сказать»⁴. При этом известно, что с походом мидийского царя Киаксара против Урарту (609 г. до н. э.) последнее теряет свою независимость; поэтому последующие два с лишним десятилетия могли являться периодом окончательной ликвидации остатков урартской самостоятельности⁵.

¹ Продолжение !Rusa-i; -i является показателем родительного падежа.

² Начало !Rusabi.

³ См. Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 38. Ср. его же, *Ванское царство (Урарту)*. М., 1959, стр. 42.

⁴ См. Г. А. Меликишвили, *Указатель* УКН, ВДИ, 1954, № 1, стр. 248. А за начало царствования Руса III им условно принят 625 г. до н. э. См. там же, стр. 235, 248. См. также УКН, Москва, 1960, стр. 426, 439.

⁵ См. И. М. Дьяконов, *Последние годы урартского государства по ассирийско-вавилонским источникам*. ВДИ, 1951, № 2, стр. 31—39.

На основании всего вышесказанного мы склонны думать, что Руса, сын Руса наших надписей, возможно и является современником ликвидации последних остатков урартской независимости. Этим правителем, по всей вероятности, и замыкается хронологическая таблица урартских царей.

С другой стороны, этот письменный документ лишний раз свидетельствует, что Тейшебаини, один из последних урартских оплотов северо-восточной окраины, продолжал свое существование вплоть до падения Ванского царства.

В заключение следует надеяться, что дальнейшие археологические раскопки урартских объектов и, особенно, раскопки на Кармир-блуре выявят новые интересные материалы о последнем периоде истории Урарту в целом и о времени правления урартского царя Руса IV (?) в частности.

ԿԱՐՄԻՐ-ԲԼՈՒՐԻ ԿԱՎԵ ԲՈՒԼԼԱՅԻ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԿԵԱՐԱՆՄԱՆ ՇՈՒՐՋԸ

Ն. Վ. ՀԱՐՈՒԹՅԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Կարմիր-բլուրի կավե բուլլայի վրա տեղա սեղադիր արձանագրությունը, որն իրենից ներկայացնում է արքայական պատճեն կնիքի պատճենի րադկացուցիչ մասը, անդնահատելի նշանակություն ունի Ուրարտուի և հասկապես նրա վերջին, ի դեպ՝ թերի ուսումնասիրված, շրջանի պատմության ուսումնասիրության համար. քան որում այդ արձանագրությունը շատած արդեն ունեցել է մի քանի հրատարակություն, այնուամենայնիվ դրասը, մեզ հասած տեքստի ոչ լրիվ վերծանման պատճառով, ոչ միայն ի վիճակի չեն եղել պարզելու արձանագրության իրական բովանդակությունը, այլև հաճախ տեղի են տվել իրարամերձ կոռեկցիաների:

Մեր կողմից ձեռնարկված մանրագնին ուսումնասիրության հիման վրա հստակեցվում պարզում ենք, որ այդ արձանագրության տեքստը հիշատակում է ուրարտական Ուուսա, Ուուսայի որդի թագավորին, որը ուրարտագրությունը տնհայտ է մտացել: Ի դեպ այդ թագավորի անունը հիշատակում է նաև Կարմիր-բլուրի պեղումներին 1955 թ. հայտնաբերված, բնդ որում ղեկի հվերձանված, մի վավե սեղադիր աղյուսակի ղյանաձե կնիքի պատճենի վրա: Այս ուսա թագավորը, ամենայն հավանականությամբ, եղել է վաղուց ի վեր հայտնի Ուուսա [V]-ի որդին և հանդիսացել Ուրարտուի անկախության վերջին մնացուկներին լիկվիդացիան ժամանակի (609--585 թ. թ. մ. թ. ա.) կենդանի վկան:

